

Палеоконсерватизм как феномен политической мысли США

Исследование истории политической мысли по сути представляет собой изучение процесса реальной политической борьбы в его теоретическом измерении. Торжество или поражение той или иной политической программы во многом зависит от результата непрекращающегося противостояния в идеологическом поле. В ряде случаев это перманентное столкновение оказывается на руку учёному, получающему возможность рассмотреть теорию, как бы обнажённую критикой противников, и, выявив её интеллектуальный контекст, представить более глубокую картину идеологического пространства. Однако проблема состоит в том, что противоборство политико-правовых идей редко остаётся в рамках теоретических дискуссий. Идеи, отражая мироощущение и устремления определённой части населения, всегда носят прикладной характер – взятые на вооружение, они с неизбежностью требуют вытеснения своих антагонистов из актуального дискурса. Эффективнее всего эта задача решается с помощью стигматизации идей представителями власти либо разного рода «специалистами», указывающими на несовместимость тех или иных взглядов с наукой, общечеловеческими ценностями, прогрессом, демократией, нормами социалистического общества и пр. Решение политических задач требует борьбы с идеями, поскольку существование последних свидетельствует о наличии альтернатив этим задачам.

Однако выпадение тех или иных воззрений из поля актуальных теоретических дискуссий не всегда означает их гибель, поскольку жизненное пространство идей не исчерпывается академической и политической сферами. Иногда это означает лишь исчезновение внешней формы. Утрачивая стройность и определённость, идеи могут в силу этого обретать иные свойства. Лишённые возможности быть объектом рациональной критики, они парадоксальным образом перерастают свой теоретический характер и становятся константой общественно-политического сознания. Уже не поддаваясь в полной мере контролю и не подразумевая последовательного осмысления, они продолжают оказывать своё влияние на социальную действительность.

В 80-е годы XX века в американской публицистике возник термин «палеоконсерватизм»,¹ которым стали обозначать воззрения авторов, критиковавших с правых позиций политику неоконсерваторов.² В частности, эти авторы выступали против

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0227 «Палеоконсерватизм как феномен политической и культурной жизни США», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012-2013 гг.

² Введение термина часто приписывают Полу Эдварду Готтфриду. См. его обзорную работу об американском консерватизме Gottfried P.E. *Conservatism in America. Making Sense of the American Right*. N.Y., 2007.

интервенционизма США, расширения федерального вмешательства в дела штатов, роста влияния крупных финансовых и промышленных корпораций. В узком смысле к палеоконсерваторам относили, прежде всего, группу интеллектуалов, собравшуюся вокруг Института Рокфорда и журнала «Хроника: Журнал Американской Культуры». Однако впоследствии термин приобрёл достаточно размытые границы – к кругу палеоконсерваторов стали ретроспективно относить либертарианцев и индивидуалистов,³ сторонников прав штатов⁴ и других противников централизации власти.⁵

В силу того, что палеоконсерваторы в любом смысле этого слова не оказывали сколько-нибудь значительного влияния на актуальный политический процесс, термин был практически забыт за рамками академической консервативной среды вплоть до конца 2000-х годов. В этот период на фоне социалистических по своему характеру инициатив президента США с одной стороны, и проблем финансовой системы - с другой, происходит расширение общественного протестного движения в правом сегменте политического спектра. Особенностью этого процесса становится его ярко выраженный «низовой», децентралистский и антиэтатистский характер. Движение, получившее название «Движения чаепития» (*Tea party movement*), на начальном этапе своего развития фактически не имело никакой оформленной идеологии. Тем не менее, участникам движения было вполне достаточно отсылки к Бостонскому чаепитию 1773 года для обозначения своей политической платформы. При этом совершенно очевидно, что деятели Американской революции вовсе не имели однородной системы политических взглядов. Так к чему же отсылает нас Движение чаепития?

Представляется, что именно термин «палеоконсерватизм» наилучшим образом описывает тот круг политических и культурных смыслов, которыми оперируют участники движения. Размытость термина «палеоконсерватизм» неслучайна – он апеллирует к политической традиции, фактически не имеющей в современных Соединённых Штатах репрезентации во властных структурах, а следовательно – и последовательной программы. Речь идёт о традиции, проистекающей из рецепции на Американском континенте европейских идей периода античности и средневековья, а также сопутствующих им практик. Эти идеи и практики не были полностью элиминированы в США вплоть до нашего времени в силу как исторических, так и сугубо нормативных причин.

³ Альберт Джей Нок, Генри Луи Менкен, Гарет Гарретт и др.

⁴ Альберт Ричи, Джеймс Александр Рид и др.

⁵ В качестве общего введения в проблематику палеоконсерватизма в узком смысле см. антологию *The Paleoconservatives: New Voices of the Old Right*. New Brunswick; London, 1999.

К первым относится, прежде всего, сравнительно высокая степень децентрализации Соединённых Штатов, которая препятствовала процессу тотальной культурной унификации. Децентрализация и сопутствующий ей регионализм позволили сохраниться социальным феноменам, чуждым официальной идеологии и массовому сознанию. Наиболее ярким примером из числа нормативных причин следует отнести вторую поправку к Конституции США, закрепляющую фундаментальный для современного американского традиционализма институт народного ополчения (*militia*), а также право на хранение и ношение оружия. Обострение вопросов об ополчении и владении оружием во второй половине XX века наиболее симптоматично, и неудивительно, что активисты движения ополчения составили значительную часть сторонников Движения чаепития. Эти институты представляют собой наследие, с одной стороны, республиканской античной традиции, в которой сам статус гражданина во многом был связан с возможностью и готовностью самостоятельно защищать свою свободу и порядки (а следовательно – и своеобразие) своего общества (греческий *polis* или римский *civitas*). С другой стороны – это отголоски средневековых английских феодальных практик и реалий европейских городов-государств раннего нового времени. Это наследие, вновь вызванное к жизни борцами за независимость Американской республики в XVIII веке в качестве важной составляющей освободительной риторики, и впоследствии отражённое в Конституции, является в настоящее время инородным элементом в национальном государстве всеобщего благосостояния, опирающемся на идею прогресса.

На первый взгляд значение этого идеологического конфликта может показаться преувеличенным. Однако на деле этот конфликт выходит далеко за пределы академических дискуссий, судебных разбирательств и парламентских дебатов о смысле второй поправки к Конституции. В качестве наиболее известных примеров перехода противостояния в плоскость насилия можно привести события 1992 года в Айдахо, получившие названия «инцидента в Руби Ридж», и осаду поместья Маунт Кармел в Техасе в 1993 году. В обоих случаях поводом для столкновения послужили обвинения в незаконном хранении оружия (впоследствии оказавшиеся не соответствующими действительности), приведшие к применению силы со стороны представителей федеральных служб безопасности. Общее число жертв этих инцидентов составило более восьми десятков человек, включая детей. Ещё один характерный пример – теракт в Оклахоме, совершённый Тимоти Маквеем. Несмотря на то, что сам Маквей ни в одном ополчении не состоял, но выступал против федеральных властей, теракт стал поводом для

развёртывания пропагандистской кампании против института ополчения.⁶ В настоящее время мы наблюдаем новый виток этой кампании. Поводом для этого стали массовые убийства в школах США, за которыми немедленно последовали законодательные инициативы по ограничению прав, связанных с владением оружием.

Таким образом, институт ополчения и связанное с ним право на владение и ношение оружия, постепенно вытесняются в маргинальную сферу, а сторонники следования конституционной традиции становятся как минимум объектами насмешек, а часто и жертвами преследования со стороны федеральных властей. Неудивительно, что в этих условиях вопросы сохранения конституционной традиции и особенностей культуры приобретают особое значение для той части населения, чья самоидентификация основана на консервативных республиканских идеалах.

Тем не менее, черты традиционного мышления не являются прерогативой конкретной социальной или политической группы. В настоящей работе мы хотели бы акцентировать внимание на том, что палеоконсерватизм как явление представляет собой одну из констант политического сознания, характерную для значительной части населения Соединённых Штатов, и в том числе для тех, чьи воззрения кажутся, на первый взгляд, не имеющими ничего общего с консерватизмом как таковым.

Палеоконсерватизм в этом контексте следует рассматривать не столько как систему конкретных политических взглядов, сколько как культурное явление, специфическое для США и тесно связанное с особенностями исторического развития североамериканского континента. Несмотря на то, что появление Американской республики ознаменовало новую эру в политической жизни всего цивилизованного мира, развитие этой республики было в значительной степени определено интеллектуальными конструкциями, рождёнными ещё в Старом Свете. Связь между американской государственностью и европейской мыслью можно проследить на самых разных уровнях – от индивидуального жизненного пути деятелей Американской Революции до теоретического языка программных документов Войны за независимость. Но наиболее важным документом в этом отношении является, безусловно, Конституция Соединённых Штатов.

Дискуссии делегатов Конституционного конвента содержат характерные свидетельства гибкости, подвижности и неоднозначности языка социальной теории. Значительное число терминов, воспринимаемых сейчас достаточно однозначно, не были столь определёнными к концу XVIII века. Мы обнаруживаем, что, несмотря на очевидное доминирование таких ценностей как жизнь, свобода и собственность как в самих

⁶ См. напр. Dees M. *Gathering Storm: America's Militia Threat*. N.Y., 1996; Abanes R. *American Militias: Rebellion, Racism & Religion*. Illinois, 1996; Stern K. *A Force Upon the Plain, The American Militia Movement and the Politics of Hate*. Riverside, 1996 и др.

документах соответствующего периода, так и в сопутствовавших им дискуссиях, содержание и объём указанных понятий не были одинаково трактуемы всеми участниками политического процесса. Содержание этих категорий зависело от индивидуальных установок членов конвента – далеко не все из них опирались на индивидуализм и позитивизм Просвещения. Для значительной части делегатов понятие свободы означало возможность человека быть полноправным членом традиционного сообщества и осознанно нести перед ним обязательства. Таким образом, Конституция США стала итогом и одновременно одним из наиболее ярких отражений компромисса между совершенно разными политическими и культурными парадигмами, к которым принадлежали её авторы. Было бы преувеличением утверждать, что к 1787 году однозначно оформились две противоборствующие системы взглядов, и, тем не менее – в противостоянии федералистов и антифедералистов явственно проступают черты фундаментальных различий сторонников двух совершенно разных типов отношения к обществу и государству. В XVIII веке это противостояние всё ещё носило характер политической дискуссии, предполагавшей открытый характер как самой проблемы, так и языка её описания.

Однако формализация концепций в документах уровня Конституции неизбежно инициирует процесс окостенения смыслов, который усиливается в той мере, в какой происходит кристаллизация общества и его институтов. Этот процесс в США имеет ряд довольно точно определяемых узловых точек, ключевой из которых, на наш взгляд, стала Гражданская война. Именно война Севера и Юга указала на целый ряд вопросов, неоднозначность которых связана не столько с текстом Конституции, сколько с её интеллектуальным контекстом. Обе стороны вооружённого конфликта обращались к тексту Конституции и находили в нём оправдание своей позиции, однако основой для таких заключений являлся не текст, но те фундаментальные основы его толкования, которые стороны понимали совершенно по-разному.

Победа Севера в войне ознаменовала важную точку невозвращения для политической судьбы Соединённых Штатов, и не только в практическом смысле, хотя сражение при Аппоматтоксе и поставило крест на мечтах Южан о самостоятельности. Самым важным стало то, что через победу в войне произошла своего рода легализация федералистских (в терминах 1787 года), модернистских и капиталистических трактовок как Конституции США, так и событий периода Войны за независимость. Во всяком случае, именно с этого момента процессы национальной унификации и промышленной индустриализации начинают особенно интенсивно разрушать джефферсоновский идеал аграрной демократии и неумолимо трансформировать США в государство нового типа.

Однако это же событие становится и отправной точкой для нового витка развития и осмысления тех идей, которые потерпели поражение на поле боя в 1865 году. Если до Гражданской войны компромиссы, отражённые в Конституции, не нуждались в артикуляции в силу фактически установившегося баланса интересов, то в результате вооружённого столкновения стало ясно, что эти компромиссы не являются достаточно эффективными инструментами сдерживания борьбы между политическими силами и стоящими за ними теориями. Парадоксальным образом Север, воспрепятствовав сецессии Юга, тем самым создал своего рода патовую ситуацию – защищая Конституцию (хоть и трактуемую по-своему), он автоматически защищал и те её положения, которые являлись отражением совершенно иной, враждебной Северу политической традиции, ушедшей с тех пор в интеллектуальное подполье. Таким образом, компромиссы Конституции превратились в очаги нового конфликта, который не мог быть исчерпан ни военными, ни политическими методами, поскольку был основан на фундаментальных противоречиях, являвшихся частью самой истории становления США.

Именно с этого времени мы наблюдаем две тесно связанных тенденции в сфере политической мысли. С одной стороны, это постепенное оформление идеологии централизованного национального государства, которая, выходя за рамки партийного противостояния, объединяла республиканцев и демократов. Кульминацией и своего рода тестом на прочность этой идеологии стал Новый курс Рузвельта. С другой стороны, на поверхности интеллектуального ландшафта Соединённых Штатов начинают появляться формы радикализма, фундаментом которых выступала забытая или, во всяком случае, вытесненная часть американско-европейского наследия.

Это наследие становится основой для сопротивления национальному государству с консервативных позиций, поскольку корни подобного рода консерватизма лежат в культурах античности и средневековья, не знавших подобной формы политической организации. Национальное государство противостоит этому наследию именно потому, что его теоретической основой является радикальный проект нового времени. В силу того, что исторически именно национальное государство стало доминировать на политической арене и постепенно вытеснило альтернативные формы организации, идеи, чуждые логике модерна, оказались своего рода реками, ушедшими под землю, но не иссякшими. Влияние этих слоёв коллективного и индивидуального политического сознания может быть как очевидным, так и скрытым в зависимости от конкретно-исторических условий и степени укоренённости конкретного автора в традиционном образе жизни.

Так, например, влияние премодерна не требует особых доказательств в случае Южных Аграриев – движения интеллектуалов южных штатов 30-х годов XX века,

противопоставивших сельскохозяйственную традиционную культуру Юга промышленному капитализму Севера и сопутствующему типу государства.⁷ В работах Аграриев можно обнаружить немало прямых отсылок к ценностям, носящим очевидно аристократический, антибуржуазный и даже отчасти феодальный характер. Кроме того, Аграрии не скрывали, что в качестве своих предтеч они рассматривали не столько отцов-основателей США, сколько античных и средневековых авторов.⁸ Такая недвусмысленная артикуляция радикального традиционализма связана с тем, что Аграрии отстаивали не абстрактный идеал, но ещё недавно существовавшее общество, которое и было для них воплощением этого идеала – довоенный Юг. Разрушение этого идеала носило исключительно насильственный характер, что только подчёркивало его жизнеспособность и его право на новое воплощение.

Однако существуют примеры и иного рода – примеры идеологий, внешне кажущихся вовсе не связанными с наследием древности, и даже противостоящими ему. Тем не менее, именно в рамках таких структур наиболее ярко проявляется сложное взаимодействие элементов модерна и премодерна, характерное для политической мысли США. В качестве такого примера можно привести взгляды одного из ключевых теоретиков раннего американского «автохтонного»⁹ анархо-индивидуализма, Лисандера Спунера.

Для того чтобы адекватно оценить влияние премодерна в этом случае необходимо, прежде всего, отказаться от привычного понимания идеологии анархизма как продукта развития социалистических воззрений. Этот подход представляется односторонним, не учитывающим специфику интеллектуального климата Соединённых Штатов. Дело в том, что в работах американских анархистов присутствует целый ряд идей, появление которых значительно проще объяснить через обращение к европейскому средневековью и античности, а точнее – к тому, как идеи этих эпох были восприняты на американском континенте. Существенным здесь является то, что при подобном прочтении взгляды, которые изначально кажутся революционными, приобретают ультраконсервативные черты. Следует сразу отметить, что такое прочтение не означает, что рассматриваемые авторы пытались нечто скрыть от читателя, замаскировать свои тайные интенции. Такое восприятие является следствием отказа от контекстуального анализа в пользу

⁷ См. программную работу Аграриев *I'll Take My Stand: The South and the Agrarian Tradition*. N.Y., 1951.

⁸ См. напр. Simpson L.P. *The Southern Republic of Letters and I'll Take My Stand // A Band of Prophets: The Vanderbilt Agrarians After Fifty Years*. Baton Rouge; London, 1982. P.67; Davidson D. *Southern Writers in the Modern World*. Athens, 1958. P.45.

⁹ Под ним мы понимаем те версии анархизма, которые родились на американской почве, а не были занесены туда впоследствии выходцами из Европы во второй половине XIX века. К «импортированному» анархизму приведённые здесь рассуждения, безусловно, неприменимы в силу его однозначной социалистической направленности.

неисторического применения современных концепций (например, доминирующего ныне понимания термина «анархизм») к смысловым полям иной эпохи. Речь идёт вовсе не о скрытых намерениях авторов, но о «скрытом» языке или метаязыке, вытесненном из сферы «официального» политико-правового дискурса в область культурной памяти.

Наиболее известной работой Лисандера Спунера является трактат «Нет измены».¹⁰ Работа была написана и опубликована после победы Севера в Гражданской войне, формально она посвящена критике обвинений в адрес Южных штатов в государственной измене. Спунер отталкивается от этих посылок и рассматривает природу государственной власти как таковой. Он критикует идею представительной демократии, вскрывая целый ряд внутренне присущих ей противоречий. Он приходит к выводу о том, что Конституция США и основанная на ней система государственной власти являются нелегитимными и не порождающими для населения обязанности им подчиняться. Аргументы Спунера несомненно могут быть истолкованы в сугубо индивидуалистическом смысле – как последовательное развёртывание логики контракционизма. Однако для более глубокого понимания истоков мысли Спунера, юриста по профессии, следует обратиться к другой его работе «Эссе о суде присяжных». Она представляет собой фундаментальный труд, посвящённый истории возникновения и современному состоянию этого института.¹¹

В суде присяжных Спунер видел способ защиты социума от тирании, возникший в системе общего права как механизм противостояния произволу короны. Суд присяжных для него — это бастион социальной справедливости, где присяжные представляют общество в целом, а не одну из ветвей государственной власти. Спунер полагал, что реализация этой функции суда присяжных основывалась на их праве решать не только вопросы фактов в конкретном деле, но и оценивать соответствие справедливости того акта, на котором основывается обвинение. С этой точки зрения Спунер критиковал современное состояние института присяжных, полагая, что оно противоречит принципам, заложенным в Великой хартии вольностей. Он полагал, что «со времени принятия Конституции в Соединенных Штатах не было ни одного легитимного судебного процесса, проходившего с участием присяжных».¹²

Спунер считал, что любое государство, основанное на согласии его членов, подразумевает осуществление власти только на основе тех принципов, которые представляются верными всем членам общества. Следовательно, присяжные в своём

¹⁰ Spooner L. No Treason. No. I, II / The Lysander Spooner Reader. San Francisco, 1992.

¹¹ Spooner L. An Essay on the Trial by Jury. Boston, 1852.

¹² Ibid. P. 156.

вердикте отражают фактически существующие в обществе представления о справедливости, которые могут и не совпадать с мнением законодателя.¹³

Позиции Спунера по вопросу о присяжных часто трактуются именно как радикальные требования индивидуализма. Однако если отойти от конвенциональной трактовки этих воззрений как анархистских, можно обнаружить, что в действительности Спунер требовал восстановления в исконной форме института, носящего глубоко традиционный характер. Суд присяжных представлял собой механизм защиты прав, выработанный в рамках средневекового английского общества, и тесно связанный с феодальной нормативной структурой. Собственно говоря, суд присяжных являлся частью феодальных ограничений, которые наряду с ограничениями естественного права составляли своего рода механизм сдержек и противовесов в рамках «средневекового конституционализма».¹⁴ Даже если учесть, что на практике до 1670 года¹⁵ судьи имели достаточно инструментов для того, чтобы воздействовать на присяжных, в общественном сознании суд присяжных стойко ассоциировался с древними свободами английского населения.

Американские колонисты продолжали существовать в рамках этой системы вплоть до Революции, то есть пока они были англичанами и, следовательно, на них распространялись соответствующие права и свободы (собственно именно нарушение именно этих «английских», а вовсе не естественных прав, стало формальным поводом для войны с метрополией). Более того, как отмечает Форрест Макдональд, в колониях суд присяжных оказывал значительно большее влияние на социум, нежели в метрополии.¹⁶ На практике именно суд присяжных был той общественной структурой, которая осуществляла функции управления, так как именно он, в конце концов, определял границы прав и обязанностей населения, выходя далеко за пределы буквы как актов Парламента, так и местного законодательства.

Однако объявление независимости подорвало эту систему и сопутствующие ей институты – права населения штатов отныне не могли более проистекать из институтов конституционного права Англии, поскольку власть в колониях перешла непосредственно к населению. В этих условиях суд присяжных теряет свою сдерживающую функцию, так как в рамках старой системы он выступал в качестве формы самозащиты общества от возможной тирании власти, которая была этому обществу внеположна. После 1776 года

¹³ Ibid. Pp. 130–131.

¹⁴ См. Republicanism: A Shared European Heritage. Vol. I. Republicanism and Constitutionalism in Early Modern Europe. Cambridge, 2002.

¹⁵ До дела Бушеля, в котором было вынесено решение о том, что присяжных нельзя подвергать наказанию за их вердикт.

¹⁶ McDonald F. Novus Ordo Seclorum: The Intellectual Origins of the Constitution. Lawrence, 1985. P.40.

легислатуры стали обладать властью (во всяком случае, теоретически), делегированной им непосредственно населением, а следовательно, суд присяжных не мог уже противопоставлять себя законодателю. По крайней мере, он не мог противопоставлять себя *легитимному* законодателю, чьи полномочия проистекали бы из согласия подвластных.¹⁷

В этом интеллектуальном контексте работы Спунера приобретают оттенок, не связанный с анархизмом как таковым – его утверждение о нелегитимности Конституции и основанной на ней демократической системы власти как раз даёт Спунеру возможность подкрепить необходимой посылкой его тезис о необходимости восстановления суда присяжных в границах его прежних полномочий. В этом смысле Спунер вовсе не выражает новых, революционных идей - в действительности он воспроизводит логику средневекового конституционализма. Его критика государства становится критикой контракционизма, демонстрирующей нелепость и невозможность существования реального государства, основанного на согласии. Спунер демонстрирует лицемерие демократии, которая, опираясь на риторику договора, фактически лишает население традиционных механизмов защиты от власти, которая так и осталась в действительности отчуждённой от общества.

Следует учитывать, кроме того, что суд присяжных всё же являлся механизмом защиты прежде всего общества (в значении *community*), а не индивида, от воздействия как извне, так и изнутри. Защищая суд присяжных, Спунер не мог не защищать и замкнутую структуру традиционного общества, порождением которой во многом и являлся этот институт. Противостояние политической власти таким образом вовсе не означало противостояние нормативной структуре общества как таковой. Как неоднократно отмечали авторы, принадлежащие к правому либертарианству, в действительности, общество, лишённое власти государства и предоставленное самому себе, вероятнее всего будет являться обществом значительно *более* консервативным, поскольку будет основано на более тесных социальных связях.

Спунер лишь разрешил внутреннее противоречие, существовавшее у анти-федералистов, которое состояло, как отмечают исследователи, в обольщении государством.¹⁸ Они никак не могли сделать выбор между стремлением к построению национального государства и сохранению независимых республик в рамках штатов.

Пример Спунера является частным случаем, выбранным лишь по той причине, что в нём консервативный по сути дискурс наиболее эффективно скрывается за

¹⁷ Ibid. P.41.

¹⁸ Seul T.M. Militia Minds: Inside America's Contemporary Militia Movement. PhD Thesis. Purdue University, 1997. P.12.

революционной риторикой. Повторимся, что это вовсе не свидетельствует о сознательном желании автора завуалировать свои истинные намерения – это говорит лишь о том, что видимая революционность идей может быть следствием выбора наблюдателем неверного угла зрения. Это происходит вследствие принятия одномерной картины развития политической мысли, предполагающей историческое «отмирание» форм политического мышления, не соответствующих доминирующим. Однако в действительности этого отмирания не происходит – идеи в отсутствие их формализации становятся более гибкими, размываются, превращаясь в образы, не поддающиеся однозначной дефиниции.

В силу того, что палеоконсерватизм в контексте, используемом нами, есть форма общественного сознания или его слой, невозможно точно определить совокупность составляющих его элементов. Более того, это бессмысленно, поскольку живучесть этого явления обязана именно подвижности его содержания. Палеоконсерватизм существует постольку, поскольку те ценности, к которым он отсылает, утрачены в результате монополизации национальным государством права на трактовку истории. Те фрагменты традиции, которые были частью повседневной жизни и мышления населения колоний ещё в период Американской революции, уже к концу XIX века для многих стали лишь образами памяти. Процесс исключения традиции из общественно-политического дискурса и её вытеснения мифами прогресса вызывает ответное мифотворчество масс, где образы традиции, даже взятые в отрыве от материальных её основ, становятся единственным способом сохранить свою идентичность в условиях агрессивной информационной среды. Палеоконсерватизм есть отчасти форма ресентимента, интенсивность которого тем выше, чем острее ощущается утрата традиционной идентичности её носителями.

Однако всё это не означает, что претензии палеоконсерваторов лишены исторических оснований. Наоборот – палеоконсерватизм представляет собой своего рода аналог антиколониальных освободительных движений, выступающих за право на восстановление своей культуры независимо от того, в какой мере она соответствует современным тенденциям. В этом смысле палеоконсерватизм выходит за пределы «охранительства», так как в действительности современное состояние общества уже настолько оторвано от традиции, что её восстановление предполагает не консервацию, но революцию. Как указывал Сэмюэль Тодд Фрэнсис, один из ключевых авторов «Хроники», «первое, что мы должны уяснить по поводу участия и победы в культурной войне, это то, что мы не боремся за ‘сохранение’ чего-либо; мы боремся за свержение».¹⁹

В свете вышесказанного становится очевидно, что такие общественно-политические течения как Движение чаепития и движение ополчения, вовсе не являются

¹⁹ Francis S. Winning the Culture War // *Chronicles*. December, 1993. P.12.

случайными, периферийными явлениями – они представляют собой отражение непрекращающегося с XVIII века сопротивления сторонников традиционных идей современным представлениям о прогрессе и демократии.

Палеоконсерватизм представляет собой важную, но ещё в малой степени изученную константу политико-правовой мысли и общественного сознания Соединённых Штатов. Его исследование позволяет преодолеть упрощённое линейное понимание развития политической теории, выстроить более сложную картину взаимного влияния идей на Американском континенте. И что ещё более важно – изучение палеоконсерватизма как целостного явления даёт возможность увидеть исторические и культурные основания ряда современных общественно-политических процессов, имеющих место в США.